

УДК 73/76

К. Б. Бабенко

*(аспирант кафедры гуманитарного и художественного образования
Института искусств ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», г. Новосибирск)*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ВИД СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВО ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ХУДОЖНИКА

В статье рассмотрен процесс функционирования различных когнитивных схем в сложном процессе символической деятельности на примере изобразительного искусства. Автор также рассматривает результат воплощения образа как невербального потока информации и показывает, что изобразительное искусство может служить средством оценки интеллектуального и когнитивного развития художника.

Ключевые слова: интеллект, когнитивная схема, зрительное восприятие, представление, образ, изобразительная деятельность, символическая деятельность, иллюзия.

K.V. Babenko

FINE ARTS AS KIND OF SYMBOLIC ACTIVITY AND THE WAY OF INTERINTELLECTUAL GROWTH OF THE ARTIST

The article describes the process of functioning of various cognitive circuits in the complex process of symbolic activity, as an example of fine art, aimed to show the nonverbal information flow in its work. Where the result is the embodiment of the image and it can serve as a means of assessing the intellectual and cognitive development of the artist.

Keywords: intelligence, cognitive scheme, vision, idea, image, representational activities, symbolic activities, illusion.

Различные исследования интеллекта отечественных и зарубежных ученых прошлого и настоящего, широко представленные в научной и психолого-педагогической литературе, дают нам представление о функционировании, устройстве и значении интеллекта в жизни человека. В современных исследованиях интеллекта устоялось мнение о его сложном структурировании во взаимозависимости его функций (восприятия, мышления, памяти), каждая из которых призвана выполнять определенные преобразования информационного потока. Т. е. интеллект рассматривается как сложный механизм по преобразованию и хранению различной информации [12]. Таким образом, современная наука, рассматривая проблему

развития интеллекта, определяют его только во взаимодействии всех функций, в их гармоничной взаимозависимости [6].

Анализ научной психолого-педагогической литературы показал, что для функциональной деятельности интеллекта характерно присвоение знаний об окружающей нас действительности, представленных в виде образных представлений о предметах, явлениях и событиях и позволяющих индивиду выстраивать собственные поведенческие стратегии взаимодействия с реальностью [16].

Несмотря на широкое теоретическое исследование интеллекта в современной науке, вопрос измерения и оценки его уровня развития остается актуальным. Необходимо отметить, что все исследова-

ния работы интеллекта у различных ученых всегда связываются с практической деятельностью испытуемых, в ходе которой они неизменно становятся перед проблемой выбора стратегии и результата своего действия [1; 11].

А. Г. Маклаков, говоря о свободе выбора деятельности субъекта, определяет его потребностями, мотивами и целями, направленными на получение желаемого результата [7, с. 129]. При этом достижение цели есть удовлетворение побудительного мотива, а результатом действия может служить достижение желаемого изменения в окружающей действительности. Например, изменение местоположения каких бы то ни было объектов или изменение их качеств посредством физического воздействия на него субъектом.

Тут необходимо отметить, что для достижения результата действия в его осязаемых изменениях с объектами внешнего мира должно произойти предварительное исследование субъектом, направленное на выявление качеств объекта и его положения. Изучение объекта неизменно приведет к его осознанию и приобретению знаний о нем в виде сложившегося в сознании образа исследуемого объекта. В свою очередь, именно образ, как определенное представление о реальном объекте, может служить мотивом к действию, направленному на необходимое изменение.

Например, объектом нашего взаимодействия будет ваза для цветов, которую необходимо наполнить водой, чтобы поставить в нее букет. Мы сразу представляем себе образ вазы, наполненной водой, как конечный результат, способный удовлетворить наш побудительный мотив. В этом случае ваза есть сложный перцептивный образ, сложившийся на основании ранее полученного жизненного опыта, данного во взаимодействии с представляемым объектом.

Так, выбор дальнейшего порядка действий как стратегии будет обязательно направлен на достижение результата в соответствии с представленным образом на-

полненной водой вазы с уже стоящим в ней букетом. Отсюда разумно заключить, что выбор деятельности индивида всегда зависит от сложившегося образного представления в его сознании. Таким образом, оценка результата деятельности и его порядка позволяет определить уровень формирования образа в сознании субъекта деятельности. Это в свою очередь позволяет понять и оценить работу когнитивного аппарата.

По справедливому мнению многих исследователей когнитивного механизма, алгоритм переработки информации, независимо от ее заданности и направленности сенсорной системой, представленной органами чувственного восприятия, у большинства испытуемых с выявленным нормальным развитием идентичен [15, с. 113–115].

Так, Ж. Пиаже определяет условия развития интеллекта как выработку определенных когнитивных схем, где под «схемой» понимается представление об объекте, зависящее от способа оперирования взаимодействия с ним [12].

Ф. Бартлетт вложил в понятие «схема» более глубокое значение – для него это одновременно и форма обобщенной, социокультурной организации прошлого опыта, и инструмент, используемый в выполнении любого хорошо адаптированного поведенческого акта, в том числе процессов решения задач на припоминание. Всякое новое знание пополняет схематическую организацию опыта, который творчески, с элементами непредсказуемой вариативности используется для решения следующих задач. В последнем можно видеть сходство с идеями Канта, который понимал под схемами правила творческого (продуктивного) воображения [3, с. 88].

Иными словами, под «схемой» как правилом воображения можно понимать определенный порядок переработки информации.

В психолого-педагогической литературе указывается на существование разнообразных типов когнитивных схем, объяс-

няющееся информационным содержанием, заданным нашим восприятием [15].

Например, мы можем выделить информационные потоки воспринимаемой информации: зрительной, звуковой, обонятельной, вкусовой и тактильной. По данным различных исследователей, при нормальном функционировании организма человека происходит доминирование зрительного информационного восприятия, составляющего около 80–90 % от всей воспринимаемой информации [5].

Так, посредством зрительного восприятия и функционирования соответственной когнитивной схемы, в сознании субъекта складывается определенное зрительное представление об объектах и явлениях действительности.

Специфика зрительного представления, состоящего из потока обработанной сознанием зрительной информации, требует создания определенных экспериментальных условий для возможности его оценки. Т. е. создание таких условий и выбора деятельности субъекта, в которой он мог бы наиболее полно отобразить свое зрительное представление. Иными словами, зрительный образ должен быть также воспроизведен в некоторый объект зрительного восприятия. Таким объектом может служить произведение изобразительного искусства, созданное средствами изобразительной деятельности, где изобразительная деятельность может быть осуществлена как выбранная стратегия взаимодействия субъекта с объектами действительности.

В свою очередь, определенная организация изобразительного материала в процессе изобразительной деятельности представляется ничем иным, как упорядоченной стратегией.

В современной психолого-педагогической литературе изобразительную деятельность принято рассматривать как своеобразный способ познания и отражения объектов и явлений действительности [4]. В искусствоведческой литературе изобразительная деятельность рассматривается как способ отражения дей-

ствительности и некоторое коммуникативное средство, оперирующие понятиями, символами и образами. Своим появлением в историческом и социокультурном контексте предвосхищающее появление письменности [9].

Исследования Б. В. Раушенбаха подтверждают природу существования социальных мотивов изобразительной деятельности, цель которых заключается в материальном воплощении некоторой невербальной информации, содержание которой обусловлено необходимостью передачи конструктивных, пластических, объемных, пространственных, цветовых характеристик объектов действительности [13].

Так, образ, воплощаемый в произведении изобразительного искусства, отображает представление субъекта об объекте и явлениях действительности, представленных как в отдельных выделенных качествах объекта, так и в их совокупности, приводящей к более полному отображению.

Из искусствоведческой литературы известно, что каждый вид изобразительной деятельности обладает своим выразительным языком, заданным техническими особенностями и материалом воплощения.

Анализ научной и искусствоведческой литературы дает определение различных языков изобразительного искусства, таких как: «цвет» – основа языка живописи; «точка, линия, штрих, пятно» – составные части языка графики; объемно-пластическая, трехмерная форма – язык скульптуры.

Само существование языка, в широком значении этого слова, объясняется определенной необходимостью передачи информации. Информация, закладываемая в изобразительной деятельности, зачастую носит невербальный характер, но вместе с тем не перестаёт быть сложной системой передаваемых образов.

Одно из определений языка в словаре Ожегова определяет язык как систему знаков (звуков, сигналов), передающих

информацию [10]. Так, каждый язык изобразительного искусства, так же представляется нам как сложная система знаков невербального содержания.

По утверждению Д. А. Севастьянова: «знак – это условное изображение, предмет или слово, само по себе не имеющее никакого значения. Символ же – выполняя похожие функции, еще и сам по себе означает нечто» [14, с. 27].

Означаемое – предмет, на который указывает знак или символ. Естественный ход мышления стремится к поиску означаемого в чувственно воспринимаемом мире, однако это не верно. Ф. Соссюр указывает, что означаемое – это понятие, а не вещь; оно находится только в реальности мысли [2].

Поскольку изобразительная деятельность представляется нам возможной только при организации ее выразительных средств через информационное содержание, обеспеченное организацией смыслообразующих символов, разумно говорить о ней как о некоей символической деятельности.

Так, А. А. Байков рассматривает определенную способность к ведению символической деятельности через способность создания иллюзии, где особое значение придается символу. Выход символа на иллюзию обнаруживается в сущности означаемого [2].

По мнению А. А. Байкова, иллюзия не выражает реальность, если под выражением понимать отсылку к объективности: иллюзия отсылает или к другому (относительно ожидаемого) или к не существующему объекту. Но в этом смысле и символ выражает не реальность, а нечто отличное от нее [2].

Так, образ в изобразительном произведении нужно понимать как символ реального объекта, но отсылка данного символа происходит не к реальному объекту, а к его образу, сложившемуся как определенное представление в сознании художника.

В данном случае под изобразительной деятельностью подразумевается про-

цесс организации символов, наполненных субъективным содержанием, ведущих к воплощению целостного художественного образа, чем является процесс создания иллюзии.

Действительно, изображение передает поток зрительно воспринимаемой информации об объекте изображения, в частности его содержание определено конструктивно-пластическими и объемно-пространственными характеристиками изображаемой модели (натуры), посредством которых мы воспринимаем некий символический образ изображенного объекта.

В подтверждение иллюзорности содержания изобразительного произведения необходимо произвести анализ физических и изобразительных средств, свойственных изобразительной деятельности и произведению как ее результату. Из наблюдений мы можем сказать, что изображение, несущее поток зрительно воспринимаемой информации об объекте, в отличие от его модели, часто обладает лишь некоторыми его реальными свойствами. Вне зависимости от принадлежности к тому или иному виду изобразительного искусства изображение есть ни что иное как самостоятельный объект, обладающий собственными цветовыми, конструктивными, объемными и пространственными характеристиками.

Например, яблоко в живописном натюрморте будет, допустим, красным, но в сущности это лишь красное пятно или сложный набор пятен на двухмерной поверхности холста, не обладающие объемными и пространственными свойствами.

В то же время в сопоставимом сравнении скульптура как вид изобразительного искусства не обладает таким выразительным средством изобразительного языка, как цвет. Но вместе с тем, выражая конструктивные, пластические, объемные и пространственные особенности изображаемых объектов, она обладает собственными перечисленными характеристиками.

Особого внимания заслуживает изображение в скульптурном рельефе. Являясь изображением, также обладающим

собственными реальными объемно-пространственными и конструктивно-пластическими свойствами, что характеризует его как самостоятельный реально существующий объект, оно остается изображением реальных объектов и пространственной среды окружающей нас действительности или отдельных ее частей. Значит, само пространство и пространственные характеристики, изображенные на поверхности скульптурного рельефа, также являются иллюзорными.

Тогда нам следует рассматривать произведение искусства как некий символ изображаемого предмета, а не сам предмет изображения, наделенный некоторым смыслообразующим значением, сущность которого определена информационным содержанием невербального характера.

А. А. Мельник, говоря об исходном изобразительном средстве скульптуры, отмечает, что изобразить объемную сущность предмета, передать выразительность ее форм можно лишь с помощью плоскостей, его ограничивающих [8]. Так, плоскость нам следует рассматривать как основу выразительного языка скульптуры и ее знака. Вместе с тем, А. А. Мельник утверждает, что пластическая моделировка осуществляется путем тончайших переходов сопряжения одной плоскости с другой [8]. Тогда изобразительную деятельность, в том числе скульптуру, использующую свой выразительный язык как организацию плоскостей и символов, также следует понимать как стратегию взаимодействия субъекта с объектом действительности. Скульптура как выбранный вид изобразительной деятельности подразумевает использование пластического материала (глина, пластилин), представленного реальным объектом действительности и чувственного восприятия. Это делает плоскость как знак выразительного языка скульптуры реальным и осязаемым объектом действительности.

Необходимо отметить, что существование самого понятия «плоскость» подразумевает существование понятия «ли-

ния», где плоскость представляется как определенная поверхность, а линия – ее ребро, образованное сопряжением минимум двух плоскостей. Следовательно, мы можем определить, что и линия, также является составным знаком пластического языка скульптуры, т. к. сопряжение двух плоскостей определяет ее существование и значение.

Таким образом, процесс моделирования изображения в скульптуре, представляет определенную упорядоченную организацию линий и плоскостей. А организация изобразительных символов приводит к появлению информационно насыщенного целостного художественного образа как некоторой невербальной «фразы».

На основании вышеизложенного разумно сделать вывод о том, что реализация и воплощение образа изображаемого объекта происходит, прежде всего, в соответствии с представленным образом в сознании субъекта, вовлеченного в изобразительную деятельность. При этом необходимо понимание того факта, что сложившееся представление в сознании художника об изображаемом объекте является результатом функционирования когнитивной схемы, т. е. обработанной сенсорно воспринятой информации в сумме с некоторым полученным ранее перцептивным образом, хранящемся в его памяти. Под влиянием побудительного мотива к изобразительной деятельности, цель которого направлена на его удовлетворение путем материального воплощения и визуализации образа в произведении изобразительного искусства, может и должно происходить его переосмысление в виде представления конечного продукта изобразительной деятельности.

Таким образом, в сознании художника должен быть представлен образ произведения как конечный продукт деятельности, в котором должны быть учтены особенности выразительного языка, уже представленного в его сознании в виде определенной организации знаков, веду-

щих в своей сумме к воплощению художественного образа в произведении.

Поэтому разумно говорить, что процесс создания иллюзий как результат символической деятельности в изобразительном искусстве является не результатом внешней деятельности субъекта, а результатом его внутренней мыслительной активности, где сама иллюзия также является представляемым образом.

В свою очередь, если указанного представления в сознании субъекта изобразительной деятельности не сложилось, то и изобразительная деятельность как направленный акт двигательной активности художника, цель которого заключается в определенном преобразовании внешнего объекта путем физического воздействия, становится невозможной либо затруднительной.

Из перечисленного можно сделать вывод, что в сложном процессе изобразительной деятельности происходит неоднократная обработка информации невербального характера и содержания, задействующая множество когнитивных схем. Данный вывод подтверждает утверждение М. А. Холодной о том, что для оценки индивидуального интеллекта важно знать, каким репертуаром схем человек владеет и какое количество релевантных схем может быть актуализовано в данный момент времени с учетом требований ситуации. Именно этот аспект ментального опыта, по мнению Паскуаль-Леона, определяет индивидуальные интеллектуальные возможности и является основным критерием уровня интеллектуального развития [15].

Список литературы

1. Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии, 1995. № 1. С. 111–131.

2. Байков А. А. Обоснование символической деятельности через способность к иллюзии // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 286.

3. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006.

4. Гриник Д. В. Развитие перцептивных способностей субъекта деятельности старших дошкольников средствами изобразительной деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 91. С. 18–22.

5. Зрительное восприятие: диагностика и развитие: учебно-методическое пособие / Г. В. Никулина, Л. В. Фомичева, Е. В. Замашнюк, И. Н. Никулина, Е. Б. Быкова [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. (1 файл 2,2 Мб). Киров: МЦНИП, 2013.

6. Коровкин С. Ю. Практический интеллект и функциональность когнитивного опыта. Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2005. С. 44–48.

7. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. (Серия «Учебник нового века»).

8. Мельник А. А. Основы построения скульптурного рельефа: учеб. пособие для средн. проф.-техн. училищ. М.: Высш. шк., 1985.

9. Нечаев М. Г. Изобразительная деятельность человека как отражение формирования основ художественного языка на материале Алтайских писаниц: дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2008.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (А-Я). М.: Азъ, 1992.

11. Павлов И. П. Интеллект человекообразных обезьян // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1975. С. 91–97.

12. Пижаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.

13. Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980.

14. Севостьянов Д. А. Рисование как форма активности. Отображение в графической деятельности иерархических и инверсивных отношений. Новосибирск, 2009.

15. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.

16. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 2-е изд., испр. (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер. Пресс, 1997.